

Гринспон Владимир

С юмором и серьезно

СУПЕР Издательство

Владимир Гринспон

С юмором и серьезно

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40644100

С юмором и серьезно/ Гринспон Владимир: СУПЕР Издательство;

Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-907137-04-2

Аннотация

СССР хрущевского, брежневского, горбачевского времени – глазами не просто очевидца, а активного участника событий. Владимир Гринспон и герои его рассказов отправляют читателя из солнечной Одессы 60-х годов в суровый Норильск 70-х и 80-х, из Восточной Германии – в Ливию еще молодого Каддафи, из Грузии – в Индию.

На страницах книги веселые советские студенты соседствуют с лихими дельцами черного рынка. Работяги и настоящие асы своего дела живут бок о бок с карьеристами разных масштабов. Крупные производственные свершения идут рука об руку с дефицитом и откровенным воровством.

Туристические поездки в соц- и капстраны, заработанные тяжелым трудом или хитрыми махинациями, превращаются в забавные приключения, где на кону порой стоит вся будущая судьба их участников. Герои ходят по лезвию ножа, нарушая всевозможные инструкции и ограничения.

Честно, без прикрас, но и без преувеличений показаны межнациональные отношения. Русские, украинцы, грузины, евреи, армяне, абхазы, поволжские немцы – в этом кипящем котле проявляются лучшие качества людей и вековые предрассудки. Комичный эффект вызывают отношения облеченных властью партийных чиновников, большого начальства и «маленьких людей».

История жизни конкретного человека в этом сборнике переплетена с судьбой страны. Из мелких бытовых деталей складывается объемная картина эпохи во всем ее величии и противоречивости.

Содержание

Гарик	5
Гарик 1. Вражеские голоса	5
Гарик 2. Или Беглый каторжник	11
Гарик 3.Или «Ветеран»	21
Вишневка	28
Пряник	32
Адмиральский кот	35
Трансформация иллюзий	41
Крым. Первое знакомство навсегда	54
Шило и его роль в высшем образовании	59
Рассказ подводника	63
Пари. История одного экзамена	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Владимир Гринспон

С юмором и серьезно

Гарик

(мини трилогия)

Гарик 1. Вражеские голоса

Коммунисты! Подъём!!! Мать вашу...

А было 4 часа ночи 23 ноября 1963 года. Да еще с утра наступала суббота, когда можно вдоволь отоспаться!

А этот паразит орет благим матом на всю квартиру, стаскивает одеяла и пресекает последние попытки уцепиться за ускользающий сон.

Паразит – хозяин трехкомнатной хрущевки, где мы – студенты второкурсники Одесского политеха – снимали восьмиметровую «спальню» с двумя койками на троих.

Спрашивается – почему нам не жить в общеаге, как нормальным студентам? Конечно мы, да еще много тысяч одесских студентов от этого варианта не только не отказывались, а были бы счастливы. Да только в нашу судьбу вмешался Великий Пролетарский Интернационализм, что привез со

всех концов географической карты наших братьев вроде бы склонных строить социализм в своих странах всерьез (или понарошку), чтобы только припасть к щедрой советской кормушке.

Тем не менее, только в нашем политехническом обучались братья из 32 стран, всех оттенков кожи и разрезов глаз. Не надо объяснять, кто тогда занимал койки в общежитиях, а кто на радость одесситов, ранее пробавлявшихся сдачей койко-мест дикарям, отдыхающим только в летний сезон, покрывал эти места с сентября по июнь. Добавлю еще, что стипендию наши интернациональные братья получали все и всегда. По 90 рубликов в месяц, не считая оплаты проезда и суточных каждый год. А нам, своим, отваливали аж по 28 р. Да и то, если сдашь сессию без троек.

А Гарик- наш хозяин- всё бушевал, клял советскую власть и кричал, что наши «поцы»(в Одессе это слово, переводимое с идиш на латынь как пенис, даже не считалось ругательным и могло мелькать, например, в диалоге трудовика с физруком в присутствии учеников начальных классов)... Наши ПОЦЫ как всегда отстают...возмущался Гарик. Да если б я мог...да если б у меня было...

Гарик называл нас коммунистами не потому что мы состояли в КПСС. Да, мы были комсомольцами, но главная причина клеймения состояла в нашем нежелании, или скорее лени, поносить Советскую власть. Сам он крыл ее с завидной регулярностью, ничего не боясь и никого не стесняясь. Во

власти он видел главное препятствие своему экономическому и духовному процветанию.

Был он довольно колоритной личностью. Не смотря на инвалидность-у него были маленькие неработающие ноги – результат детского полиомиелита, он был полон энергии и грандиозных замыслов. Передвигался на костылях, в основном усилием рук, подволакивая вслед за телом ноги. Голова с резко выдвинутой вперед верхней челюстью, с торчащими, обычно не прикрытыми крупными, желтыми от курева, верхними зубами, резко очерченными скулами, густыми черными с проседью кудрями производила впечатление своеобразной, с долей уродинки, красоты и силы. Происхождения он был пестрого, что для Одессы вполне обычно. Там было много от отца немца. От матери он унаследовал кровь греческую с примесью румынской. А если вспомнить, что женат он был на Людмиле-полуцыганке полурусской, то определить национальность их общей дочери трехлетней Светки мы и не пытались. Отвращение к правящему слою рабочих и крестьян ему добавляло и то, что его дед по материнской линии был купцом первой гильдии, имел высокие награды от царя – батюшки и жил в огромном особняке на Пушкинской, где в описываемый период с комфортом располагался Музей Западного и Восточного Искусства.

Гены деда-купца особенно не давали покоя их обладателю, толкая на предприятия, на грани аферы с периодически коммерческими взлетами и падениями.

Биография Гарика включала в себя и несколько лет колонии для малолетних и определенный период вполне взрослой тюрьмы. Да и понятно, что с пылкой душой предпринимателя-авантюриста избежать знакомства с этими заведениями в советское время было непросто.

Кроме дохода от крохотной пенсии по инвалидности и наших скромных вложений в его семейный бюджет он пробавлялся чисткой обуви, на право заниматься которой имел законный патент от презираемых властей.

Были у него еще более-менее постоянные виды «бизнеса», как-то разведение собак (с нами в квартире жили две суки-боксерша Нора и терьериха Гейша), хранение вещичек, иногда забрасываемых его друзьями по не столь отдаленным местам «до реализации» или до выхода...на пару тройку лет. Квартира была населена живностью и не приносящей явного дохода. Рыбки в аквариуме, канарейка в клетке, старая кошка и неизвестно откуда взявшийся уж... В подполе на кухне, где проходили трубы отопления, сидело полдюжины кур несушек. Кошка с ужом не ладили и часто громко шипели друг на друга. Когда к шипению добавлялся шум свары подключались обе собаки, всю свистел кенар, кудахтали в подполе куры, заливалась от восторга Светка, ругалась ее мать и всё накрывал хриплый мат Гарика...Прекрасная обстановка для занятий. Да кто в 18 лет обращает внимание на такие пустяки!

Не взирая на наши протесты и позднее время, Гарик уже присевший на уголок кровати, размышлял вслух... Да если бы мне дали винтовку, обеспечили семью после моего расстрела, я б его, лысого гада ей богу бы убил. И не задумался. И был бы героем!!! Он сидел и бормотал, а мы, утратив последние остатки сна с возрастающим интересом слушали его откровения.

Вообще-то поговорить он был мастер. Знал уйму анекдотов. Пересыпал свою речь колоритными одесскими прибаутками и легким матерком, к месту. Да и случаи из жизни его были поучительными, забавными и порой неожиданными. Помню, он со злостью и досадой стал ругать способ вывоза мусора из дворов, когда пару раз в неделю приезжала мусорка, шофер звонил в колокольчик, как в школе на последнем звонке, и из всех квартир вываливали радостные жильцы с ведрами полными накопившихся отходов. Наше недоумение по поводу его критики он прояснил рассказом из недалекого прошлого.

Мы с Вовкой Буцыком со Слободки – неспеша начал Гарик – купили у одного старого еврея секретный рецепт состава липучки, для борьбы с мухами. Заплатили ему аж 200 рублей, огромную сумму. Зато его липкая бумага была лучшей в Одессе и шла нарасхват! Мы сидели ночь у меня в полуподвале на Дерибасовской 1 и валиком, что накатывают фотки на глянецватель, наносили на тетрадный лист этот состав. Там была патока, немного муки, клей, и пара секретных

добавок... А что стоили тетрадки!? Копейки... На покрытый этим «сиропом» лист мы клали другой лист без «сиропа» так чтобы липучка была внутри. Так вот эти два листа люди на следующий день у нас брали по рублю, и таки были счастливы.

Вот и смотри-сколько накатаем ночью листиков, столько рублей на следующий день имеем... Так что эти несчастные 200 рублей за секрет мы отбили махом. А эти поцы придумали собирать мусор машинами. И убрали со дворов помойки. И где теперь эти мухи? Так и накрылся наш бизнес!

Мы уже в третий раз пытали его, зачем этот хипеж среди ночи, а он всё волновался и бормотал угрозы лысому, так он называл всегда Хрущева, и обижался, что наши как всегда в ж... и т. п.

Наконец он очнулся и выдал-Вы тут дрыхнете! А в Америке Кеннеди грохнули!!! И тут мы вспомнили, что Гарик любил по ночам крутить «Спидолу» и слушать чуждые голоса.

Вот так я узнал о главном преступлении двадцатого века.

Гарик 2. Или Беглый каторжник

Однажды, придя с занятий, мы обнаружили в нашей неслабо заселенной квартире нового гостя. Средних лет мужичок, маленького роста, круглолицый, с остреньким носиком и глазками пуговками, он расхаживал по комнатам, накинув поверх клетчатой ковбойки пуховый платок жены Гарика. На нем были брюки, явно от рабочей спецовки и сандалии на босу ногу. Как потом оказалось это было все, в чем он появился в доме Гарика, который отрекомендовал его как проверенного кореша и объявил, что кореш проживет пока у него. Вновь прибывший протянул всем маленькую ладошку лодочкой и представился – Витя. Стали гадать, куда Витю определить на ночлег. В главной комнате стояла большая кровать с панцирной сеткой и никелированными шарами предназначавшаяся как раз «для гостей». Но в это время она была занята приехавшей из провинции тещей Гарика-толстой ворчливой старухой. Одну спальню занимал Гарик с женой и двумя дочерьми. Ничего не оставалось, как выделить Вите коврик при входе в нашу студенческую обитель, кинув поверх старый полушубок.

Об обстоятельствах своего временного гостевания у Гарика Витя поначалу не распространялся, предпочитая забавлять нас историями одесской жизни и анекдотами. Рассказчиком он был талантливый, хорошо подавал национальные

акценты и одесский колорит. Судя по тематике он, как и Ггарик, часть своей жизни провел в «ограниченном колючкой пространстве». Да и беседы Ггарика с корешем вились, в основном, вокруг этой темы. Иногда они даже довольно красиво тянули лагерные песни. От них мы впервые услышали «Таганку» и «Я помню тот Ванинский порт». Особенно оживлялись они в момент обсуждения «этих паскуд», в категорию которых попадали все представители правоохранительных органов.

Присмотревшись к нам, и видимо удостоверившись в нашей лояльности, Витя постепенно поведал нам свою судьбу. Не сразу, отрывками, которые потом как в мозаике сложились в картинку. По основной профессии Витя был парикмахер-самоучка. Где он учился мастерству осталось за кадром, но нам казалось, что он стал брадобреем в зоне ввиду хилости и бесполезности на серьезных работах. Была и квартира и парикмахерская с рабочим местом. Да вот дурные привычки и тяга к напиткам привели его в больницу, откуда он вышел с букетом заболеваний от эпилепсии до модной в те годы вялотекущей шизофрении и полным запретом заниматься любимым делом. Да и логично. Что мог устроить человек с опасной бритвой в момент припадка «падучей болезни»? А тогда еще в мужских залах парикмахерских не так стригли, как брили клиентов. Витя любую другую работу презирал, да и не был обучен, поэтому проболтавшись без дела с год и получив пару предупреждений от милиции, был привлечен

по статье за тунеядство и благополучно получил два года исправительных работ. Определен он был в отдаленный совхоз где, наглотавшись за полгода прелестей сельского разнорабочего – куда пошлют – рванул в город. Дома его неусыпно ждал участковый, могли стукануть соседи, жаждущие продления жизни «без Вити». Так что оставалось безвылазно сидеть у Гарика в ожидании поворота судьбы.

С поворотом Гарик обещал ему пособить своими испытанными и проверенными способами. Так впервые нам пришлось в течение полугода наблюдать работу «общественной организации по правам человека» в суровых условиях тоталитарного соцреализма. Мы уже раньше были посвящены в эту тему когда Гарик не без гордости рассказывал как он вырвал у ненавистной власти эту трехкомнатную квартиру в прекрасном районе на Второй с половиной станции Большого Фонтана, всего в пяти остановках трамвая от центра!

Жил раньше Гарик с семьей из пяти человек на улице Дерибасовской, в доме под номером 1, вернее под домом. Его жилище представляло из себя двадцатиметровую комнату без намека на удобства в полуподвале с одним оконцем, смотрящим в яму, и вечно сырыми стенами. Так бы и жили они без какого-либо просвета, постепенно загибаясь от ревматизма, чахотки и прочих спутников сырого подвала, если б не горячая, бьющая энергией натура Гарика. Стал он «бомбить этих гадов» как он сам называл сов инстанции жалобами, просьбами и требованиями. Получив ожи-

даемый отказ от районного начальства, он катал жалобу на них в область, далее в Республиканские и союзные инстанции. Пройдя всю цепочку по линии советской власти, повторял всё по партийной цепочке. Благо в те, хоть и тоталитарные, времена система работы с обращениями, жалобами и предложениями трудящихся была поставлена строго. Каждый запрос регистрировался и на него **ОБЯЗАТЕЛЬНО** должен быть отправлен ответ. Гарик показывал нам пухлую, полторакилограммовую папку с запросами и ответами. Увлекательное и поучительное чтение. Роман в документах. После отказных бумаг из партийных райкомов и обкомов шли запросы по линии Собеса, протоколы обследования условий проживания, постановления и отказы и т.д. Даже прокурорские проверки и запросы отдельных депутатов Гор-и Облсоветов. Отдельный интерес представляли сами жалобы, написанные довольно грамотным языком. Некоторые даже со специально прописанными нотами надрыва, отчаяния и намеков на суицид. Попадались стихи на украинском, видимо часть своего неполного семилетнего образования Гарик получил в украинской школе. Запомнилась одна строчка из довольно длинного-на страницу-стиха... «На що м'єні Радяньска влада яко гноїть м'єнє у підполлі...».

Наконец, после двух с лишним лет сражений, Одесский Горисполком посчитал более разумным для себя отдать инвалиду квартиру, чем еще неизвестно как долго строчить обязательные отписки. Я их, сволочей, на измор взял! – под-

вел черту под этой историей Гарик- победитель.

Будем освобождать Витю, сказал он, – я им устрою, как сажать корешей по совхозам!

Он позвал пришедшую из школы свою старшую дочь, вернее падчерицу, пятиклассницу Тоньку, велел вырвать листок из тетрадки и принести ручку и чернильницу. Попутно дав ей тумака за то, что не сняла с шеи «эту гадость» – так он называл пионерский галстук – начал диктовать ей жалобу. Пусть пишет дитё, а то мой почерк сразу срисуют и припрутся за Витей. Для начала он запустил с пяток жалоб в местные инстанции. Упор делался на то, что Витя весь насквозь больной. Вторым «козырем» была имевшаяся у Вити грамота и звание Почетного донора. В те времена откосить от работы иногда можно было, только сдав пол-литра кровушки. За это полагался бесспорный отгул, талон на обед, в меню которого входил обязательный стакан красного крепкого. Из-за стойкого отвращения к работе и такой же неистребимой любви к отгулам и красному сладкому у Вити набежало аж двадцать с лишним литров отданной кровинушки, а это влекло автоматическое почетное звание и грамоту. В жалобах на несправедливый приговор вскользь говорилось и о сотнях спасенных жизней советских тружеников и о неблагодарной стране, что так обошлась с героем.

Работа над ошибками правосудия шла своим чередом, а мы получали от общения с Витей всё новые неизведанные ощущения и личный опыт. Мы научились вполне квалифи-

цировано оказывать первую помощь при припадке эпилепсии. Вызывать скорую к беглому никому и на ум прийти не могло. Правду сказать, случались эти неприятности не часто. Так же нам пришлось усвоить, что теперь можно экономить на покупке одеколона «после бритья», так как ни один пузырек, как бы мы его не прятали, не избежал бесславной кончины в Витиной утробе. Но самым большим его «хобби» была тяга к маленьким беленьким пилюлькам под названием кодеин. Как разъяснил нам с ученым видом любитель таблеток от кашля, название КОДЕИН происходит от латинского КОДА, что переводится как хвост, или конец. Так вот, хлопцы, – поучал нас профессор Витя, – кодеин это охвостье переработки опиума! За это я его так обожаю. А так как Витя был в нашей компании «старшим товарищем», безропотно и с охоткой выполнял роль придворного парикмахера, то и мы помогали ему чем могли. Давали выспаться на кровати в дневное время, подкармливали иногда из нечестных продуктовых передач от родных. Главное же, что его грело – мы помогали ему добывать пилюли счастья, отпускаемые в аптеках исключительно при наличии рецепта. Валера – один из нашей троицы – отличался умением очень точно выполнять самую мелкую ручную работу. Чинил бытовые приборы, подчищал ошибки в чертежах без следов, в общем, был мастак. Он-то и взялся изготавливать рецепты на кодеин, мастерски выполняя штамп поликлиники, треугольную печать «для рецептов»– и всё это на отдельной глянце-

вой бумажке в зеркальном отображении печатными, близкими к типографским буквами. Потом оставалось оттиснуть влажный рисунок на прямоугольном листке и создать полную иллюзию рецептурного бланка с нужными штампами. А уж заполнял рецепт сам «больной», постоянно изощряясь в придумывании фамилий врача и пациента. Схватив долгожданный рецепт, мелочь и накинув что- ни будь из наших вещей, он отправлялся за трофеем в аптеку, следя за тем, чтобы аптеки не повторялись. Было опасение, что проверка в какой-то из них обнаружит подлог и усилят бдительность. Придя домой, он насыпал в горсть с десяток морфийных охвостьев, забрасывал в рот, запивал водой и через 5-10 минут разлегшись на кровати пел песни, философствовал о жизни и глуповато улыбался. Мы смотрели на всё это с пониманием, не осуждали. К счастью, ни один из нас даже не подумал попробовать это сомнительное удовольствие.

Месяца через два его начала навещать жена, дородная деваха лет тридцати, работающая поварихой в какой-то столовке. Видно у них с Витей совместная жизнь напоминала войну с перемириями. Иногда придя с занятий, мы заставляли их сидящих обнявшись с глуповатыми улыбками на удовлетворенных лицах. Но чаще заставляли ворчливую перебранку на вечные темы. Марго-так называли повариху-может это и было ее настоящее имя-ругала Витю никудышным, бездельником и бедняком. На одно только и способен, – сообщала она нам с хитрой миной- тут уж ты мастер! И толкала его в

шутку бедром. Мелкий супруг отлетал метра на два и огрызнулся:— что тебе этого мало!? Смотри и этого не будет. Куда денешься? Марго, живописно покачивая бедрами, прохаживалась перед нами:— а что молодые, я еще ничего? А ну потрогайте-какая ж....,какие груди? Ведь не пропаду, а? Мы в три голоса хвалили ее достоинства, правда, не проверяя предлагаемый товар наощупь. То-то слушай молодых, — бросала она Вите — и вдруг нарочито пригорюнившись, начинала причитать: — ох и погубил ты девицу невинную, красу ее молодую...и всхлипывала в платочек. Витя, восприняв такую наглость за чистую монету начинал закипать и после матерной тирады вопрошал: а кто три года за проституцию тянул!? А...невинная девица. Да я тебя тогда и знать еще не знал. После зоны уж взял тебя, шалаву. Правда, перепалки эти были несерьезными, так для разрядки обстановки.

А обстановка вокруг Витино дела не прояснялась. Валом валили отписки, напечатанные будто под копирку — обстоятельства дела проверены, нарушений не установлено. Да понятно, ворчал Гарик-все жалобы спускают в Одесскую прокуратуру, а у них ответ давно готов. Надо выходить на Москву!

А здесь были свои сложности. Дело в том, что вся корреспонденция поступающая на почту и адресованная в гос- и парт учреждения Киева или Москвы шла для проверки напрямую в Одесский обком КПСС и до верхов не доходила. Письма передавали с проводниками, чтобы бросили

в Москве, со знакомыми и т. д. А недремлющая творческая мысль Гарика придумала для особых случаев экстра вариант. Вот теперь и пришло время пустить его в ход. Автор варианта появился с большим полноразмерным конвертом и попросил Валеру своим красивым почерком написать адреса. Сверху после слова «куда» шло: г. Москва. Общий отдел ЦК КПСС. Обратный адрес был: Одесский Обком КПУ. Общий отдел. Вложив в конверт добрую кипу прежней переписки с инстанциями и сопроводив всё это желчными комментариями насчет местной бюрократии, Гарик попросил нас придумать, как опечатать конверт сургучом. Ответ нашелся быстро. Расплавленные круги сургуча по углам и в центре конверта мы придавили «орлом» юбилейной монеты в один рубль. На застывшей поверхности торжественно застыл герб СССР. Теперь настала очередь жены Гарика Людки. Она повесила на ремне через плечо клеенчатую как у почтальонов сумку и отправилась на Главпочтамт, где под видом обкомовского курьера благополучно сдала срочную и особой государственной важности депешу. О чем получила квитанцию с пометкой- ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ БЕСПЛАТНО. Пусть эти жабы теперь перед ЦК попляшут да попробуют им отписывать... брызжал Гарик, добавляя усиливающие его негодование обороты.

Еще через два месяца из Верховного Суда СССР пришла долгожданная бумага:

Приговор в отношении..... отменить. Из мест отбыва-

ния освободить и тому подобное, что положено в таких случаях.

На протяжении всей своей жизни, особенно в трудные ее времена, я нередко вспоминал эпизоды школы выживания, преподанной нам этим, вроде бы слабым, ничего не значащим человеком. Нет нерешаемых проблем. Есть упорство, ум и воля!

Продолжение следует.

Гарик З.Или «Ветеран»

Как-то зимним вечером я в быстром темпе стеклофонил курсовую по черчению. Работал быстро, без перерывов. Курсовую дали только до утра, а чертежи были довольно замысловатыми, требовали точности и аккуратности. Для тех, кто не застал этот способ копирования, поясню, что процесс представлял собой копирование чертежа с одного листа ватмана на другой при помощи стекла – на нем размещались оригинал и копия, оригинал снизу, и электрической лампочки под стеклом. Она позволяла ясно видеть чертеж сквозь ватман. Всё сооружение представляло собой стекло на спинках двух стульев и табурет под ним с настольной лампой без абажура. Вот такой был тогда студенческий «КСЕРОКС». Оставалось только аккуратно проводить линии соответствующей толщины над проступающими в свете лампы. Работа чисто техническая, позволяющая отвлекаться на музыку из радиоточки или слушать теленовости.

На этот раз у меня было что послушать и поинтереснее. За соседним обеденным столом выпивали и закусывали Гарик со своим близким другом Мишей. Миша тоже был инвалидом. Правая нога у него заканчивалась чуть выше колена, так что без костылей он передвигаться не мог. На них он и приходил время от времени к Гарику по делам, или выпить и поговорить. Общих дел у этих двух слабо ходящих

персон было, видимо, не мало. Знали мы только об одном – Миша хранил «свои бумаги» у Гарика в подполе, где сидели куры. Бумагами были бланки и корочки аттестатов зрелости, дипломов институтов, техникумов, даже консерватории и т. п. продукции. Так как Миша был активным распространителем этого товара, хранить у себя он его не мог и Гарик за двадцать процентов с оборота оказывал другу эту мелкую услугу. У Миши было два прозвища – Миша с Дерибасовской (по месту дислокации) и Миша-Шампанеус (за пристрастие к шипучему напитку). Миша вообще-то с удовольствием пил водочку, но проходя «критическую точку» содержания промилей в венах, выграбастывал из карманов смятые в клубок деньги, широким жестом швырял их на стол. «Шампанского»!!! – извергал он забытый клич гусаров или подгулявших купчиков прошедших веков. Наступал праздник для Людки, жены Гарика. Она смахивала купюры со стола в подол и снаряжала старшую дочь в гастроном за парой бутылок шампанского. В Одессе тогда оно стоило чуть дороже сухого, 2 рубля с мелочью. Наутро на вопрос проснувшегося Шампанеуса о деньгах она на голубом глазу отвечала: -Что ты Миша, там еле-еле на две шампанских и было. Миша чесал затылок, принимал похмельную и шел зарабатывать на следующую порцию шампанского. Был он крепким сорокалетним мужичком с шарообразной короткостриженной головой и простецким русским лицом.

Выпивали друзья обстоятельно, не спеша. Вот я слышал –

задумчиво начал Миша очередную тему – что инвалидам дают «Москвича» с ручным управлением. . . Гарик парировал:

– Да, таки дают, только инвалидам войны. Мне один Герой Союза жаловался, что даже ему сказали ждать. Их приходит на Одесскую область всего два в год, а инвалидов войны сотни, может кто-то и дождется очереди, но немногие.

– А я тоже хочу! Чем я не инвалид! Миша слегка заводился под благодатным действием «Московской». Я может тоже на войне пострадал!

Но Гарик охладил его пыл:

– Какой ты к хренам инвалид войны! Сам по пьянке под трамвай попал. Тоже мне, инвалид войны нашелся! Да кто знает-то, как мне ногу оторвало!? Может бомбой, кипятился Миша. Давай, Гарик, узнай, что да как. Подам бумагу, может пролезет?

Следующий год мы время от времени были свидетелями «Битвы за МОСКВИЧ». Рожденная за рюмкой идея развивалась по всем канонам жанра уже хорошо освоенным Гариком под лозунгом: дави на власть пока не сдастся!

Первым пробным шаром было простое заявление в Горсобес с просьбой рассмотреть возможность помочь несчастному инвалиде автомобилем «Москвич» с ручным управлением. Был получен вежливый ответ: выделяются такие машины только инвалидам ВОВ и, ввиду крайне малого количества, мы можем поставить Вас на очередь при предоставлении документов, подтверждающих статус инвалида войны.

Ответ совсем не смутил товарищей по борьбе. Была изложена на бумаге следующая трогательная история: Миша, молодой курсант Одесского Артиллерийского Училища, в начале войны стоял в карауле на территории училища и при налете вражеской авиации не покинул свой пост. В результате чего лишился ноги от взрыва авиабомбы. Артиллерийское училище выбрано было совершенно случайно. Просто оно находилось в 100 метрах от дома Гарика, располагавшегося в Артиллерийском переулке. Но выбор оказался крайне удачным. Через определенное время соискатели «Москвича» получили очередной вежливый ответ:

– сожалеем, но мы не можем подтвердить информацию о Вашем, уважаемый Михаил Архипович, ранении, так как весь архив Одесского Артиллерийского Училища с 1941 по 1944 гг был утрачен в результате боевых действий и оккупации г. Одесса немецко-фашистскими захватчиками.

Получив ТАКОЙ ответ, заговорщики устроили небольшой банкет с приглашением всех обитателей квартиры. – Ну, теперь-то они от нас никуда не денутся – потирал руки Гарик. Хрен они докажут, что ты не тот инвалид. И начал прикидывать адреса первоначальных жалоб, писем второго эшелона и «на всякий случай». Как полководец планирующий битву он проверял резервы, прикидывал возможные ходы противника, отдавал приказы. Досталось и на нашу студенческую долю несколько поручений: разузнать адреса Комитета Ветеранов ВОВ, Общества Красного Креста и его отде-

ления в СССР, Комитета защиты прав трудящихся и т. д. Одного поручения мы так и не смогли выполнить – не нашли адреса ООН. Решили послать, при необходимости, просто по адресу: США, Нью-Йорк, ООН. Конечно отправив со знакомым мореманом, чтобы опустил в ящик на Западе.

Попозже, в разгар сражений, мы получили еще одно задание – сфотографировать Мишины ладони с предварительно затемненными чернилами местами мозолей. На черно-белой фотографии чернила вполне могли сойти за кровь. И мозоли превращались в «красавые», приобретенные их владельцем ввиду постоянного контакта с ненавистными костылями. Задание было с честью выполнено при помощи старенького фотоаппарата «Зоркий», фотографии увеличенного формата призывали не тянуть со спасением героя.

Растроганный Миша даже предложил нам скидку на Вузовский диплом. Предложил на выбор любой Одесский ВУЗ с печатями и подписями членов госкомиссии и ректора.

– Что вы гробитесь пять лет за поганый диплом. Попросите у родителей 200 рублей, забирайте «корочки» и займитесь делом! Хлопцы вы толковые, а дел я вам найду возок и маленькую тележку.

Толковыми он нас начал называть после того как за три бутылки «Биомицина» – так в Одессе тогда называли крепленое вино «Білэ міцнэ» по рубль двадцать семь за 0.7-сторговал у нас состав средства для выведения спец чернил с паспортов и других документов. Его случайно открыл наш то-

варищ Валера, когда Гарик попросил помочь его очередному корешу Гиви из Поти избавиться от мешавшего штампа в паспорте. Да, конечно, о регистрации брака. Штамп служил помехой для заключения брака с согласившейся одесситкой побывать его женой ровно на то время, которое понадобится Гиви чтобы прописаться на ее метрах. Довольно распространенная в то время услуга. Валера поднял всю доступную литературу по этому вопросу, несколько дней расспрашивал всех знакомых, кто мог хоть что-то знать о способах борьбы за чистоту паспортных страниц. Перепробовал массу способов – от уксусной эссенции до выкатывания текста свежесваренным и очищенным яйцом... Сам штамп он убрал довольно быстро, а вот спец чернила коими было записано, где и на ком женат, не поддавались. Наконец, через два или три дня опытов, отчаявшийся «алхимик» залил страничку паспорта с остатками злополучного штампа смесью, куда входили, чуть ли не все рекомендованные ему снадобья, и лег спать. Каково было наше удивление, когда утром он не обнаружил на листке и следов спец чернил. В остальном страничка не пострадала, была торжественно высушена и водворена на место. Слухи об успехе нашей «лаборатории» долго не давали успокоиться Мише. В его «работе с документами» это была золотая жила. И после долгих уговоров секретный состав «патентованного средства» был передан за вышеупомянутую цену.

Время шло. История с «Москвичом» стала забываться. Но

где-то поздней осенью следующего года к нашему подъезду торжественно подрулил ярко-голубой «Москвич 403», долго сигналил под окнами, и когда все жильцы из квартиры Гарика, да и из некоторых еще, высыпали во двор, отворилась передняя водительская дверца, показались два потрепанных костыля, а за ними широченная улыбка, разлившаяся по лоснящемуся удовольствием Мишиному лицу.

Банкет «ПОБЕДЫ» заслуживает отдельных глав.

Вишневка

С пятого класса я учился в прелестном бессарабском городке Измаиле. Городок на 70 тысяч жителей на берегу Ду-

ная. В основном, частные дома, красивые тенистые улицы с абрикосами, шелковицей и орехами. Как у Антонова ... пройду по абрикосовой, сверну на виноградную и на тенистой улице я постою в тени... Масса фруктов, дешевые продукты и почти полное отсутствие минусовых температур зимой. Рай для школьников, особенно, летом на каникулах.

Школу я закончил в 1962 году. Тогда еще выпускным был 10 класс. Нам по 17 лет. Собравшись с еще тремя одноклассниками поступать в Одесский Политех, мы начали всерьез готовиться к вступительным экзаменам. Собирались по очереди у кого-нибудь дома, решали задачи, зубрили физику, английский, повторяли возможные темы сочинений по литературе, готовили шпаргалки...

Не забывали и о приятном отдыхе-ходили на пляж, играли в баскетбол, благо площадку уже давно соорудили прямо во дворе городка из двухэтажных домов на 8 квартир, где мы и жили.

Мечтали о том времени, когда поступим в институт, будем студентами. Довольно самоуверенно смотрели в будущее, не допуская и малейшей осечки на экзаменах. Размышляя, как будем отмечать наше поступление в студенты, придумали «программу» будущего торжества. Договорились, что «обмывать» событие будем исключительно напитками собственного производства. К алкоголю отношение у нас было, можно сказать, прохладное. Во-первых, все всерьез занимались спортом, были чемпионами города по разным видам,

а некоторые и чемпионами области. Во-вторых, в Бессарабии вино было более распространенным напитком, чем вода. У большинства наших одноклассников, живущих в частных домах, в подвалах хранился изрядный запас вина с собственных виноградников. Даже иногда в повестку родительских собраний 6-7-х классов включался вопрос: – «Уважаемые родители! Не давайте вина детям **ДО ШКОЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ!**». Когда мы хотели «приятно провести время», то заходили к кому-нибудь из таких одноклассников «делать вместе уроки». Родители, обычно, очень были рады, что пришли хлопцы подтянуть их оболтуса по программе, и тут же посылали чадо в погреб принести графинчик. Ну а напротив школы был ларек с разливным сухим красным по 11 копеек за 200 граммовый стакан. Но всё это было натуральное сухое красное вино кисловатое для наших детских пристрастий. И решили мы заготовить к торжеству напитки повкуснее. Каждый обязался соорудить какую-то сладкую наливку. Благо материала для наливок было на все вкусы. Что каждый готовил, держалось в секрете. Увидели мы всё и попробовали только на «банкете».

Наша самоуверенность нас не подвела! Все четверо благополучно влились в студенчество. Экзамены мы сдали хорошо, сказалась общая подготовка и старание. Там где решался вопрос о приеме при равенстве баллов помогли и наши спортивные достижения. Каждый ВУЗ подбирал себе достойные спортивные сборные.

И вот перед отъездом на учебу моя мама накрыла нам стол и ушла к соседям. Тут мы начали представлять свои самодельные шедевры. Попробовали и абрикосовку, и смородиновую, и малиновую настойки. Были и купажи (смеси), например крыжовник с шелковицей или персик с белым виноградом... Всё это приготовленное с большим старанием и соблюдением технологий, семейных и придуманных авторами, и на вкус и на вид было великолепным. Наконец, я с торжественным видом вынес из кладовки две бутылки из-под шампанского. Хотелось устроить друзьям торжество, и я заложил в эти сосуды вкуснейшую вишневку и закупорил как настоящее шампанское-родной пробкой с проволочным замком. С большой помпой я повернул проволочный язычок, чтобы освободить пробку...

Когда пришла мама и посмотрела на потолок, с которого нет-нет да и падали отдельные вишенки, она только вздохнула: – «Да ладно! Забелим. Главное, что поступили!»

Пряник

Дело было в шестом классе. Весной. На большой перемене все ходили в школьный буфет. Мама давала мне рубль

каждый день, а после реформы 1961 года – 10 копеек. На рубль можно было взять, например, пирожок с горохом или капустой и стакан кофе. В тот день я соблазнился красивыми на вид пряниками. Взял 100 грамм пряников и кофе. Кофе выпил без труда. С пряниками вышла заминка. Испекли их, наверное, в период штурма Измаила, не укусить. Я пару штук кое-как размочил в кофе, а один решил догрызть во дворе. Весенний двор бурлил! Школьники гоняли мяч, играли в пятнашки, прыгали друг через друга, играя в чехарду. Не было только стоящих или сидящих. Детская энергия требовала выхода в эти двадцать минут перемены. Я вынул изо рта мешавший мне «каменный» пряник и запустил в толпу. На мою беду, в водовороте бурлящих учеников я не заметил школьного завхоза. Это был небольшого роста, плотный старикан с бритым черепом. Кстати, полковник в отставке, прошедший всю войну, ветеран. Мой пряник угодил прямо в его колоритную лысину. Полковник осмотрелся, поднял с земли увесистый кусок кирпича и поманил меня пальцем. Бросал я с крыльца, был виден как на ладони. Отпираться было бессмысленно! Взяв меня за руку и потрясая поднятым в другой руке камнем, он поволок меня на расправу к директору. Директор, тоже бывший полковник-фронтовик, уже готов был принять к хулигану самые строгие меры, но всё-таки, хотя и не сразу, но услышал мои оправдания. Оба ветерана не могли поверить, что такую шишку мог оставить обыкновенный пряник.

– Ты, Вова, ври да не завирайся! Мы на войне не такое видали. Знаем что от чего!

– Да Вы пойдите, посмотрите в буфете на эти пряники! Не сдавался я,

– Ну, пожалуйста!

Видимо, любопытство взяло верх, и начальство повело меня в общепит, за качество обслуживания в котором отвечал как раз завхоз. Когда они попробовали на зуб эти «осколки гражданской войны», я был немедленно удален из буфета и забыт. А из-за закрытых дверей доносились раскаты командирских голосов. Особенно выделялся бас завхоза. В нем соединилась и досада за недосмотр за качеством питания и еще саднившая обида за полученную шишку. С тех пор пряники в буфете были свежайшими, а когда я здоровался с завхозом, он непроизвольно потирал лысину.

Адмиральский кот

Эту историю я люблю рассказывать тем, кто жалуется на людей, что плохо едят, капризны и переборчивы. Некоторым

эта притча помогает правильно относиться к проблеме, другие обижаются, что их любимое чадо (или мужа) сравнивают с животным. Судите сами.

В наших двух домах в послевоенном Ломоносове, под Ленинградом, тесно заселенных представителями Балтфлота, единственную отдельную квартиру занимала семья адмирала Тимофеева. Самого адмирала я видел раз или два, видимо занятой был человек. А вот Его сына – восьмиклассника Витьку – не любил весь двор за зазнайство. Впрочем, речь не о нем. Адмиральша, мать Витьки, толстая, крикливая тетка, держала в доме на правах любимца толстого, пушистого кота Васю сибирской породы. Основными обязанностями этого ленивца, было, вкусно есть и вдоволь спать. В промежутках он лежал на подоконнике и глазел во двор. Однажды в начале лета семья адмирала засобиралась в отпуск в южный санаторий. Как не упрасивала мужа адмиральша взять кота с собой. Ответ был категоричен – НЕТ! Что делать!? Куда девать любимца!? Проблема решилась просто. Ухаживать за котом согласился пожилой отставной мичман Федотыч. Жил он бобылем и занимал комнатку как раз в квартире напротив адмиральской. Слегка поломавшись для порядка и поднятия вознаграждения за труды, он согласился присмотреть за животинкой.

– Ты уж, Федотыч, отнесись с пониманием и старанием. Ведь от сердца красавца моего отрываю. Наставляла старика

адмиральша.

– Он у нас не простой кот. Ест только куриные котлетки. Да только свежие, вчерашние в рот не возьмет. Сможешь, Федотыч, курочку приготовить-ощипать, мяско обобрать да на фаршик прокрутить. Добавь чуть молочка и обжарь, не слишком. Горячие не давай, обожжется. Можешь сметанкой помазать.

– Ты хозяйка не сомлевайся. Что мне эти котлетки сварганить! Посложней готовили. Раз плюнуть! Езжай спокойно.

Повздыхав напоследок и оставив Федотычу денег на курятину, сметану и молоко, не забыв и «наградные» за труды, адмиральша с семейством отбыли на два месяца на юга.

Отпуск закончился, и семья адмирала вернулась к месту службы. Адмиральша еще на лестничной площадке начала сиропным голоском:

– А где мой Васенька любимый? Соскучился по мамочке? Сейчас я тебя покормлю вкусеньким. Отперла дверь, но в квартире кота не обнаружила. Постучала к Федотычу-где Вася?

– Так бегают где-то, почесал мичман шею.

– Ох и шустрый он у Вас! Гулена. Придет, куда денется.

Адмиральша начала накрывать на стол, кормить семейство. Вдруг в приоткрытую на площадку дверь влетела какая-то стремительная серая тень и бросилась на кухне к мусорному ведру. Вытряхнув на пол мусор, Васька, а это был он только вдвое похудевший и имевший вид настоящего дворо-

вого забияки, выудил шкурку от колбасы и с урчанием стал ее поглощать с бешеной скоростью.

– Васенька! Ты ли это!?! – запрочитала хозяйка и попыталась взять его в руки. Васька рывкнул на нее, подняв дыбом шерсть на загривке, и прошмыгнул опять во двор. Вечером притащился усталый, заглотив, не разбирая оставленную ему еду и рухнул спать на подстилку. Федотыч на все вопросы отвечал уклончиво и однообразно:

– Котяра хороший, любит гулять, ест всё. Котлет не просил.

История на этом закончилась, хотя адмиральша долго поджимала губы при встрече с соседом, выражая недовольство. Соседкам она жаловалась на Федотыча:

– Испортил мне кота, месяц кормлю- не могу в вес привести. Гуляет много.

Так она и не узнала всех подробностей перевоспитания ее

любимца.

Федотыч раскрыл «тайну» спустя некоторое время во дворе за домино с приятелями. И то после хорошего угощения «Московской». После отъезда адмиральши мичман на полученные за кота «подъёмные» хорошо загулял. Про Ваську вспомнил дней через десять и пошел отпирать дверь в адмиральские хоромы. Мимо него пролетел обезумевший за это время Васька. Он дня три отъедался по помойкам. Потом стал приходить в свою квартиру, находя там объедки от холостяцких ужинов. Так и жили.

– А как же котяра не сдох за десять суток без воды и пищи? Засомневались мужики.

– Дак там стояла корзина с луком, усмехнулся старый мичман.

– Так и спасся, лук весь сгрыз, паразит!

Трансформация иллюзий

Когда я размышляю над теми изменениями в своём сознании что касаются восприятия жизни, отношения к устройству государства и своего места в нем, к догматам сверху и пониманию снизу, почему-то перед глазами встает эпизод давнего студенческого прошлого. Может быть, в этом примере наиболее ярко проявилось разрушение идеалов, или идолов, и возвращение сознания к жестким реалиям повседневности.

Дело происходило на заводе «Кинап» в Одессе в начале 60-х годов прошлого века.

Цех сборки мелких серий представлял собой огромный, с половину футбольного поля, ангар с площадками сборки крупных киноаппаратов, монтажных столов, осветительных приборов и другой техники и рядов верстаков для рабочих. Представьте картину: по проходу между верстаками, подобрыв полы синего сатинового халата-тогдашняя спецовка ИТР-выпучив в страхе единственный глаз и вереща диким голосом что-то похожее на «Помогите, караул, убивают!!!» несетя старый, лысый, сухой как перечный стручок, мастер Исаак Моисеевич. За ним с килограммовой кувалдочкой, свирепым лицом и криками- «Убью, сволочь! Я эти деньги ЧЕСТНО!!! Заработал!» мчится, и уже догоняет, молодой рабочий Коля Микалян. До смертоубийства, слава Бо-

гу, дело не дошло. Старшие товарищи перехватили террориста. Бедного Моисеича еще долго поили водой и уговаривали не выносить сор за пределы цеха. А он всё приговаривал; – «Войну прошел, глаз потерял, но так близко к гибели не был!»

Предыстория этого события такова. В то время на дневные отделения ВУЗов принимали абитуриентов только с двухлетним стажем работы в народном хозяйстве или после армии. У меня со товарищи не было ни того ни другого. Мы поступили прямо со школьной скамьи, и нас на полтора года отправили на вечерний факультет. Распределили нас по предприятиям родственного будущей профессии профиля (мы учились по специальности киноаппаратура). За три семестра мы должны были заработать недостающий стаж и, главное, убедиться в железной необходимости тщательного усвоения институтской программы.

Мы с моим одноклассником, а теперь одnogруппником по институту, Валерой попали учениками слесарей в этот цех на Кинапе. Могли бы нас с полным правом зачислить и как рабочих 1 разряда, ведь мы в школе 2 года на уроках производственного обучения прошли курс «Слесарного дела с основами материаловедения» и были аттестованы по второму разряду. Но заводское руководство сослалось на внутренние инструкции, положило нам 35 рублей в месяц ученических и 3 месяца на подготовку к экзамену на 1 разряд. Мы сильно не возражали. С ученика не требовали нормы выработки-всё

что мы делали шло в зачет наставнику. Да и оплата была на целых 7 рублей выше, чем стипендия на 1 курсе.

Где-то в одно время с нами пришел в цех таким же учеником и Коля Микалян (все его, конечно, величали Микоян). Было ему уже под 30 лет. Он оказался семейным человеком с женой и двумя дочерьми. Держался он скромно. С упорством осваивал азы слесарного мастерства, хотя было видно, что оно ему в новинку. С коллегами по цеху близко не сходил, тем более не «соображал» с работягами после работы. Но постепенно как то сблизился с нами и поведал свою историю. В Одессу он приехал уже семейным. Родственники и земляки устроили его на довольно денежную работу официантом в ресторан гостиницы “Красная”, что в начале Пушкинской улицы. Это был второй после “Лондонского” отель в городе по престижу и удобствам. Ресторан славился шикарной отделкой в красных тонах и приличной кухней. Работал Коля старательно, был на хорошем счету. Но его подвела мятежная душа, жаждущая справедливости. Как всегда и везде в ресторанах значительную долю дохода официанта составляют чаевые. Но ресторанное начальство вполне справедливо считало, что оставлять все чаевые в руках тех, кто их непосредственно получает в руки, то есть официантов, слишком «жирно». Поэтому Коля и его братья по цеху должны были делиться прибылями с администратором, тот с зав. залом, далее с директором и т. д. Кто был «конечным бенефициаром» этих ручейков, текущих помимо зала еще и от

оркестра, с кухни, швейцаров и т. д. не знал никто, но все догадывались, как сейчас догадываются о бенефициарах офшоров владеющих российскими банками и компаниями. Колина служба текла по давно налаженным не им правилам. Всем было хорошо. Коля приносил домой вполне приличный доход. Жена не работала. Девочки учились в хорошей школе, занимались музыкой и танцами. Семья снимала приличное жилье, и копили на кооператив... Но внутри Колиного горячего нрава зрел и зрел протест против несправедливого, по его мнению перераспределения честно заработанных ИМ чаевых. После нескольких мелких стычек Коля инициировал грандиозный скандал. Бросил на стол заявление «по собственному» и ушел в ПРАВИЛЬНУЮ жизнь учеником слесаря с 35 рублями в месяц!

Живя на сделанные в «тучные ресторанные годы» заначки, Коля честно постигал три месяца азы слесарного мастерства и мечтал о том времени, когда он, сдав на разряд, будет честно зарабатывать своим трудом.

Когда мы в конце первого месяца работы слесарями 1-го разряда пошли «закрывать наряды» – сдавать документы с подтверждением выполненных за месяц работ-на руках мы имели нарядов примерно на 60 рублей. У меня было что-то рублей 68, а у моего друга 55. Разница зависела от ряда обстоятельств: выгодные или нет попадались работы, какие расценки были установлены на те или иные партии обрабатываемых нами деталей. Это называлось сдельной оплатой

труда, непонятной и глупой выдумкой социалистической системы.

Наш мастер молча вытащил из моей стопки нарядов один, рублей на шесть, и спокойно его порвал. На мой недоуменный взгляд он лениво пояснил, что по первому разряду 60 рэ. вполне нормально, а отличную от негласного стандарта сумму «наверху» не поймут. Зато другу Валере он достал чужой пятирублевый наряд и присоединил к его стопке, тем самым подровняв несправедливости нормировщиков. Мы ничего против не имели. Шестьдесят рублей для студента это почти предел мечтаний!

Коля Микоян «накосил» за месяц аж 78 рублей. Это были его первые честно выстраданные, трудовые рубли! Не удивительно и его реакция на манипуляции, которые по традиции произвел над его нарядами его мастер Исаак Моисеевич!

После этого наши с Колей дороги разошлись. Он уволился с завода, а мы продолжали зарабатывать стаж и впитывать опыт производства. Первым делом мы выяснили, как можно приподнять разрешенный негласный порог нашего заработка. Нам с удовольствием пошли навстречу, предложив «очень ответственную работу» – обрубку и зачистку крупногабаритных изделий после литейного цеха. На серийных производствах эту черную и ужасно шумную работу выполняют бригады глухонемых. Они ни черта не слышат, зато получают хорошие по тем временам деньги. А так как у нас цех был мелкосерийный, литья было мало, глухих не заводили, а

давали эту работу в нагрузку. Старые печи с высокими рядами чурались этой нагрузки. Тут-то им на выручку и пришли мы. Работали мы за стеной цеха во дворе. Это давало нам еще и определенную свободу. Можно было даже иногда по очереди прогулять. А если кто спрашивал, где твой друг придумать удобную отговорку-живот заболел или к нормировщикам пошел. Кстати, к нормировщикам мы заглядывали часто. Обычно получив партию литья с расценками на ее обработку-время операций и их стоимость —,мы выбирали самый корявый экземпляр и с негодованием предъявляли его девочке нормировщице. Ты что не видишь, какие бугры! Здесь пневмозубилом не возьмешь, турбинкой надо обдирать! Это часа полтора! Минимум! А у тебя 36 минут! Сама встань и покажи за 36 минут! Обычно после небольшой торговли расценки приводились «к норме» и мы на всей партии выигрывали или деньги, или не менее приятное время. Зарабатывали мы уже по 90 – 110 рублей. Могли бы и больше, но знали меру.

Так приобретался опыт реального производства, и выветривалось из головы расхожее мнение о необходимости прилежно учиться. Наблюдая за повседневной деятельностью цеховых инженеров, было ясно, что их работа и те науки, что мы грызли по вечерам в аудиториях, находятся на разных полюсах и сосуществуют как параллельные прямые, которые по Эвклиду не пересекаются. Приходила уверенность-учеба в институте есть средство добыть диплом. И не важно, что

останется в голове. Жизнь ставит перед специалистом свои, неведомые чистой науке задачи. Как реализовывался проект под кодовым названием «Добыча диплома» расскажу в следующих очерках.

С Колей Микаляном судьба еще раз всё-таки свела. Года через два, уже студентами дневного факультета, гуляли мы небольшой компанией по обрывистому берегу моря в районе пляжа «Отрада». Погода была великолепная-весна в Одессе-с цветущей акацией, голубым небом, синим морем. Как всем молодым хотелось петь, веселиться, летать... и кушать. А в карманах у студентов только звон мелочи. От заводских зарплат одни воспоминания, а стипендия давно «освоена» да и не все получали. Вдруг (как часто в рассказах приходит на помощь это ВДРУГ! Иногда, правда и не на помощь). Но в нашем случае ВДРУГ было вполне кстати. Откуда-то с верхних дорожек раздался отчетливый крик-Ребята! Это Вы!/? Как давно не виделись! Это я, Коля, идите сюда! Поверх кустов торчала сияющая физиономия Коли. Мы поднялись вверх по склону и нашли приличную летнюю шашлычную-павильон. Коля раздувал угли в мангале. Был он в подобающей заведению белой, слегка засаленной курточке и поварском колпаке. – Как я рад Вас видеть – повторял он, обнимая нас, – сейчас шашлык будем кушать! На наше смущение отсутствием средств он обиделся-да Вы что! Разве я с друзей деньги возьму! Угощение было великолепным, шашлыки отменными, водка холодной. Посетителей кроме нас не было,

и Коля без помех поведал нам о своём житье-бытье. После заводской эпопеи все лишние заблуждения вокруг честности и справедливости у Коли выветрились. Он вернулся под опеку армянской диаспоры и преуспевал на шашлычном фронте. Полностью выплатил двухкомнатный кооператив, копил на жигули и балует жену и дочек. На вопрос отстегивает ли он «наверх» кому надо, он удивился. – Конечно! А как по-другому?

Видимо с иллюзиями он покончил навсегда.

Каникулы после первого курса института. Лето в уютном городке на Дунае. 1963 год. Мы с друзьями сидим на лавочке во дворе нашего микрорайона и обсуждаем скучный, длинный и занудный фильм чехословацкой студии. Смотрели мы его в кинотеатре накануне и еле-еле высидели до конца. Что-то из их деревенского быта...

Обсуждали мы один эпизод, как крестьяне расходились ночью из пивнушки и еле волокли ноги, падали, обнимались, пели песни совершенно пьяными голосами. Перед этим в пивной они пили пиво, и не видно было, чтобы им подносили что-то покрепче. Мнения нашей компании разошлись. Одни допускали, что и с одного пива, если много выпить, можно прийти до такой кондиции. Другие категорически не соглашались.

– Это сколько же надо кружек вместить, чтобы домой на карачках!?! Недоумевал Вовка Соколов.

– Я вон два литра вина выпил, а вино-то покрепче пива, и ничего! На танцы пошел.

– Так то пиво чешское. Оно-то покрепче. Возражал Вадим.

– Пил я чешское. Кислятина! Парировал Вовка. – В «Торгмортрансе» батя брал. Ерунда.

Компания наша была, в общем-то непьющей. Все спортсмены. Но с напитками были знакомы еще со школы. Сухое вино продавалось на каждом углу в ларьках и кафе. Да и у половины одноклассников, живущих в частных домах, были полные погреба. Бессарабия – винный край. Так что наше недоумение по поводу опьянения пивом было понятно.

В нашем городке был большой торговый порт и Дунайское морское пароходство, гонявшее суда по всему Средиземноморскому бассейну и по Дунайским странам. Поэтому в ведомственной «пароходской» торговле были в продаже и им-

портные, редкие в ту пору напитки. Мы с Вадимом решили на практике попробовать действие чешского пива и вечером, перед танцами решили провести эксперимент.

Зашли в кафе при гостинице моряков на берегу Дуная и заказали по 2 бутылки «Старопрамен». Не спеша выпили. Пиво не входило тогда в наш любимый ассортимент, казалось горьким и не вкусным. То – ли дело бутылочка ароматной «Лидии» или «Изабеллы». Но эксперимент требовал жертв. Не ощущая даже намек на опьянение, мы взяли еще по 2 чешского. Допивали их уже с натугой. Но осилили. Ничего, кроме слегка раздувшихся животов, мы в своём состоянии не ощутили. Завершив эксперимент, обозвав чехов слабаками, а режиссера фильма оторванным от реалий обманщиком, мы вырулили на главную городскую магистраль проспект Суворова.

Вечерние гуляния были в разгаре, народ по тогдашним обычаям фланировал по тротуарам и проезжей части, которая для удобства граждан в самой центральной части закрывалась для транспорта с 20–00 до 24–00. Напротив Горкома Партии к нам подошел мужичек рабочего вида, лет 35-ти и обратился с просьбой. Он показал на горлышко торчащей из кармана брюк бутылки «Московской» и пригласил нас разделить ее содержимое.

– Сам пить не могу, а надо, получку получил.

Мы позаимствовали в автомате с газ водой стакан, и выпили теплую и противную водку под разговоры. Рассказывал

в основном наш новый знакомый, а мы как приглашенные на банкет, благодарно слушали, позволяя ему выплеснуть накопившееся. Худо- бедно, но водка закончилась. Мы как благородные джентльмены предложили ответную выпивку. Пошли под брезентовые зонтики ближайшего кафе (в народе оно носило название «Рваные паруса») и взяли по два, или три стаканчика традиционного местного сухого красного. Поболтали и спохватились, вспомнив, что мы вообще- то собирались на танцы. А было уже где- то около 11 ночи.

Мы успели добежать до ближайшей танцплощадки в саду Дома Офицеров, и попали к последнему вальсу. Впопыхах нашли пару девчонок, кружившихся вместе, и «разбили» их пару. Вальс заканчивался, и врожденная галантность заставила предложить даме проводить ее домой.

– Да я далеко живу, аж на Выставке. Скромно потупившись, сообщила новая знакомая.

Я увидел, что Вадим уже пошел провожать доставшуюся ему пассию и с небрежным жестом сообщил, что расстояния настоящих кавалеров не пугают. Мы подбежали до остановки и впрыгнули в автобус.

Выставкой назвалась последняя остановка. Там действительно находилась большая площадь, где по осени каждый год окружающие колхозы демонстрировали свои достижения: коров-рекордисток, овец – длинношерсток, коз, свиной гусей и уток. Среди экспонатов были огромные тыквы, горы яблок, персиков, винограда. Стояли обязательные боч-

ки с вином и стаканчики для дегустации. Но это осенью. В остальное время это был пустырь, отгороженный от дороги забором.

До Выставки ехать было с пол – часа. Уже после первых остановок я понял – какую ошибку допустил. Чешское пиво! Водка и вино сверху! Я сидел в полупустом автобусе рядом с девушкой, сжавшись в комок и с силой сдвинув колени. Вместо того чтобы развлекать, как положено кавалеру, попутчицу, я, сжав зубы, с каплями холодного пота на лбу считал остановки и проклинал авторов чешского фильма, сыгравшего со мной такую шутку. Наконец попытка закончилась. Автобус остановился. Водитель произнес: – «Выставка, конечная». Но я его уже не слышал. Пулей вылетев из автобуса, я поставил свою попутчицу под фонарным столбом, бросив впопыхах: – «Подожди здесь!» Сам бросился к воротам Выставки, рванул на себя калитку, прыгнул в спасительную темноту пустыря... и дальше отойти уже не мог.

Когда я облегченный и умиротворенный вышел на улицу то увидел картину, которая сделала невозможным продолжение свидания. На единственном на всю округу освещенном месте, возле столба, где я ее оставил, стояла моя новая знакомая, поднявшись на цыпочки и пытаясь уместиться на маленьком сухом пяточке. А вокруг пенясь и журча, несясь рукотворный и полноводный ручей. Мне некогда было рассматривать в какую сторону от ворот идет наклон почвы.

Нет! Чешское пиво – не наш напиток!

Крым. Первое знакомство навсегда

Побывал я во многих странах. Видел берега разных морей и с суши и с воды. Но самым запомнившимся на всю жизнь, во всех подробностях, для меня остается вид южного берега Крыма со стороны моря. Первый раз увидел я это фантастическое зрелище в период летних каникул после пятого класса. Отец тогда командовал мощным морским буксиром и получил задание отбуксировать построенный на верфях Восточной Германии речной пассажирский теплоход, предназначенный для Волго – Донского бассейна. Теплоход спустили по Дунаю до моря, а по морю он самостоятельно идти не имел права – речной! Надо было его на буксире доставить в Ростов-на-Дону.

Так как рейс был каботажный (без выхода за границу), капитан имел право брать родню на борт в качестве пассажиров. Мама и мы с братишкой отправились в плавание. Мы не просто отдыхали, а всё время познавали морской быт и правила. Драили вместе с матросами палубу, стояли на руле (пробовали) под надзором вахтенного рулевого. На следующий год я уже был оформлен официально на полставки матроса-рулевого и нес вахту без скидки на возраст. Отец учил нас работать с картой, прокладывать курс и определять

место корабля на карте. Самым точным было определение места по ориентирам на берегу. Тут-то и насмотрелись мы на Крымские утесы, бухты, маяки и скалы. Скорость нашего каравана была узлов 12-14, небольшая. Крым мы огибали весь световой день. Шли не далеко от берега, милях в трех – пяти, и полуторакилометровые скалы, казалось, нависали над нами. Как сейчас вижу замаскированный в скалах вход в Балаклавскую, особо охраняемую бухту с подземными стоянками подводных лодок. Вижу отвесные зубья горы Ай-Петри над Алупкой, вершину горы Чатыр-Даг, высшую точку Крыма, белую россыпь Ялтинских домов по склону горы, «шахматную» башню Ласточкиного гнезда, сады Массандры и, конечно, неповторимый силуэт медведя лежащего у воды над лагерем Артек – гору Аю-Даг! Отец перед войной учился в Севастопольском военно-морском училище, за время курсантских практик исходил всё Черное море. Расскажам его о берегах и случаях из курсантской жизни, связанных с ними, не было конца.

Таких путешествий около Крымских берегов у меня было с десятков. Ходил и на буксире с отцом, а когда он уже командовал большим сухогрузом и ходил за границу, всё же выкраивал во время отпуска пару недель, чтобы свозить нас на круизном лайнере по маршруту Одесса-Севастополь-Ялта-Сухуми-Батуми и обратно. Впоследствии я и сам проходил этот маршрут частично или полностью, вывозя на теплоходе, ещё школьником, в качестве тренера, команду Изма-

ильских ватерполистов в Туапсе, а потом с женой, в отпуске. Так что Крымские берега для меня как собственная квартира. Знакомы все углы. Побывал я, конечно, и на суше. В Севастополе мы всей семьей навещали боевого товарища отца, в Керчи лазали на гору Митридат и фотографировались у памятника героям, купались на лучших в СССР пляжах Евпатории. В Ялте я две недели тренировался в составе сборной команды школьников Одесской области в марте 1961 года. Помню поездку на вершину горы Ай – Петри по извилистому серпантину. Мы взяли такси, семиместный ЗИМ, заплатили два рубля с копейками, и часа три наслаждались удивительной дорогой горными и морскими видами. Позже туда протянули канатную дорогу.

Первый полет на самолете у меня тоже связан с морским переходом. Один раз мы на буксире тянули баржи в Херсон, а оттуда до Одессы летели на пассажирском самолете. Это был ЛИ-2, переделанный военный «Дуглас» времен войны. Но впечатление это не испортило. Наоборот, первый полет и ценен небольшой скоростью, низкой высотой, когда всё на земле просматривается в подробностях, низким рокотом бензиновых моторов, вращающимися лопастями винтов. Эти сорок минут навсегда запали в память.

Еще пару моментов вспоминается в связи с этими морскими переходами. В Ростове мы сходили на Ипподром, смотрели бега рысаков запряженных в коляски. Работал тотализатор. В советские времена это был единственный вид азарт-

ных игр на деньги, не считая государственной лотереи. Перед заездом лошадей представляли публике. Я несколько раз называл приглянувшуюся мне лошадку будущим победителем забега и всё время угадывал. Отец дал мне рубль и позволил купить билет тотализатора на понравившуюся лошадь. Как только я поставил деньги моё везение как отрезало. Не угадал ни разу. Тогда и засела в голове мысль не играть на деньги. И я следовал этому правилу очень долго. Даже бывая в казино Лас Вегаса или Сан – Сити в ЮАР, игра меня не затягивала. Я считал глупостью, пытаясь зашибить случайную деньгу, бездарно проиграть честно заработанное. Не знал я тогда, где подстерегает главная опасность играть и проигрывать, что есть банки, фондовые биржи с акциями, облигациями, деривативами, фьючерсами и опционами...

Еще к одной стороне жизни мне удалось прикоснуться в этих детских морских походах. Радист нашего корабля закупил на толкучке в Ростове массу песен запрещенного тогда советской цензурой певца Петра Лещенко. Песни были подпольно записаны на рентгеновских снимках, как тогда говорили – на ребрах. Запрещали Лещенко за то, что он уехал на Запад из Бессарабии занятой Сталиным в 1940 году. Жил в Румынии, но пел исключительно на русском, и песни его пользовались огромным успехом в СССР. И вот наш корабль выходил в открытое море, где не пахло цензурой, и из громкоговорителей неслись прекрасные, легко запоминающиеся песни. Здесь и лихая «У самовара», и знаменитая «Москва

золотоглавая», и грустная «Журавли» (Здесь под небом чужим я как гость нежеланный...), и пронзительная «Я тоскую по родине». Так что эти песни я впитал душой навсегда, пел их с удовольствием. Сейчас слушаю иногда собрание песен Петра Лещенко, которое скачал, порывшись в музыкальных уголках интернета, и перед глазами встает борт корабля, самое синее в мире Черное море и отвесные скалы Крыма. И еще очень сильно напоминает южный берег Крыма северный берег Кипра, где я сейчас часто бываю. Те же скалы обрывом растущие почти из моря и поросшие соснами, рассыпанные по склонам белые домики в садах, и то же, лазурное у берега и темнеющее к горизонту, море.

Шило и его роль в высшем образовании

Четвертый курс института. Зимняя сессия. И грандиозный облом. На теплотехнике! Предмет, которого мы с другом Валерой не опасались, зная, что профессор разрешает на экзамене пользоваться конспектом. Разведка доложила. Мы перед сессией обязательно собирали сведения о преподавателях – как кто принимает экзамены. На этот раз разведка нас подвела. По крупному! Кто же мог предположить такое!? По плану мы шли на экзамен с чужим конспектом, спокойно готовились и, имея кое-какие знания, приобретенные на лабораторных и практических занятиях, не сомневались в положительной оценке. На лекции мы принципиально не ходили. Считали это напрасной тратой дефицитного времени бурной молодости.

Вот и нарвались! За пять дней до нас теплотехнику сдавала параллельная группа. Мы поинтересовались, как прошли экзамены. Подробности были убийственными. Профессор разрешал пользоваться конспектом. Но мы не знали одного маленького пусячка! Дабы другой студент, не посещавший лекции, не воспользовался чужим конспектом, профессор протыкал каждый конспект, побывавший у него на экзамене, обыкновенным сапожным шилом! Эта дьявольская хит-

рость поставила нас перед пропастью «неуда» и автоматической потери стипендии. Явиться на экзамен без конспекта значило сознаться в непосещении. Надеяться даже на «тройку» в этой ситуации было бессмысленно! Всё! Кранты сессии!

Выход был только один. За оставшиеся 3–4 дня написать конспект! А это толстая 90 страничная тетрадь с чертежами, формулами, текстом! А с чего списывать? Проблема. Конспекты нужны всем! Одним готовиться, другим переписывать, как и нам. Валера еле – еле нашел свободный конспект по теплотехнике, случайно оставшийся у нашего товарища. Он учился на два курса старше и уже шел на защиту диплома. Толстая тетрадь в коленкоровом переплете была благополучно «прострелена» шилом, но переписывать содержимое пробоина не мешала. Вот когда я впервые почувствовал, что 24 часа в сутках – очень мало! Но к вечеру накануне экзамена каторжный труд был закончен. Оставалось только соблюсти неукоснительное правило – хорошо выспаться перед сдачей.

Утром, со свежеиспеченными конспектами наперевес, мы явились на кафедру. Валера упросил присутствующих коллег студентов пустить его на сдачу в первых рядах. Я решил подождать, осмотреться, что да как? В щель неприкрытой двери аудитории было видно, как мой друг брал билет и отдавал профессору конспект. Тот повертел тетрадь в руках, удостоверился, что шило еще не касалось девственно

целых листков и обложки, и начал неторопливо перелистывать странички. Потом, вдруг, с удивленным лицом начал о чем-то спрашивать Валеру. Тот с недоумением на лице парировал вопросы. Но видно было – профессор явно чем-то недоволен. После короткой перепалки преподаватель пожал плечами, и Валера пошел готовиться к ответу. Ясно было, что наш план в чем-то дал «пробоину». Валера вышел грустным и задумчивым. Без оценки. Профессор не поставил сразу «неуд» в зачетку и разрешил подготовиться и прийти еще раз. При самом лучшем раскладе, выучив материал, угробив массу времени и сил, можно было рассчитывать на троечку. При повторной сдаче, обычно, больше никто не ставил.

Оказалось, что дотошный преподаватель увидел в конспекте старые, двухлетней давности, обозначения физических величин, которые уже были заменены на новые. Кто устроил нам такую «диверсию» в академических кругах мы не узнали. Но факт оставался фактом. Не могли старые обозначения звучать на лекциях текущего тогда года. Валера, конечно, уверял профессора, что не присутствовал только на одной, максимум двух, лекциях и списал недостающий материал у старшего коллеги... Но ученый муж стал гонять его по всему материалу. Результат не мог быть иным!

Что делать!? Этот вопрос вслед за классиком задал себя. Соваться с таким же «дискредитированным» конспектом не имело смысла. В поисках выхода я накручивал петли в коридоре перед дверью в аудиторию. Выхода не было! Дру-

зья сочувственно смотрели на меня, пытаюсь как-то ободрить, мол, придешь еще раз, сессия длинная, да из-за одного «хвоста» не отчисляют.... И вдруг! Как кстати бывает это «ВДРУГ»! Профессор вышел из аудитории посмотреть на защиту дипломов, проходившую на кафедре в другом помещении. Принимать экзамен остался его ассистент, молодой парень, аспирант кафедры, подрабатывающий преподаванием. С криком: – «Пропустите, срочно, вопрос жизни и смерти!» Я растолкал очередь перед дверью и влетел в аудиторию. Сдал зачетку, схватил билет, стараясь успеть до возвращения профессора. Ассистент поинтересовался моим конспектом и, не раскрывая его и даже не проколов шилом, разрешил готовиться. Подготовился я очень быстро, опередив двух-трех моих товарищей, взявших билет раньше меня. Главное было начать отвечать ассистенту, до прихода бдительного корифея теплотехнических наук. Вопросы были не из трудных. Половину ответов я помнил еще из школьного курса физики. А заумные формулы и выводы списал с конспекта. Из дополнительных вопросов помню только, что они не представляли труда, вроде КПД паровоза.

Вышел я, сияя и не совсем веря в своё везение. В зачетке красовалось «отлично», что еще раз заставило нас подумать о превратностях судьбы и непредсказуемости её изгибов.

Рассказ подводника

Конец шестидесятых. Лето. Я с женой в первом после окончания института и работы в Норильске отпуске. Гуляем по широкому Проспекту Суворова в нашем южном городке. Навстречу идет морской офицер в летней, белой парадной форме, с кортиком на боку, в фуражке с белым верхом. Стройный, высокий, с улыбкой на лице идет уверенной походкой военного. Картинка с открытки! Рядом с ним невысокий гражданский, сутуловатый, одно плечо ниже, с шаркающей походкой, в старенькой кепке и выдавшей виды майке.

Подходим ближе. Вот не ожидал! Так это же два моих одноклассника. Флотский – Иван Куля, другой Мишка Тищенко по прозвищу Чан – Кайши, за чуть раскосые глаза. Радость, объятия, восторги. Знакомлю с женой Таней. Приглашаю друзей в гости. К маме. Отец, капитан дальнего плавания, в рейсе.

Мама обрадовалась гостям. Накрыла стол, достала вина. Я рассказал об учебе в Одесском Политехническом, о работе в Норильске. Мишка, он после седьмого класса закончил строительное профтехучилище, работал маляром, поведал о своём последнем подряде. Красил купол Покровского собора в центре города. Хвалил батюшку за хорошие условия договора. Вспоминали учебу, школьные проделки, друзей. Ведь не виделись лет шесть.

Но самым интересным был рассказ Ивана.

Вы помните, ребята, я в школе учился так себе. Сказывалось трудное детство. У меня отец держал большое домашнее хозяйство, огороды за городом, да еще пасеку. Меня эксплуатировал жестко. Не до книг было. Да и способностей к наукам и желания учиться у меня не было. Иногда выкраивал время на спорт. Помните, на Дунае, в затоне была секция по гребле. После школы и армии собирался пойти на Судоремонтный слесарем.

А тут в Военкомате предложили поступать в Военно – Морское училище, в Севастополь, на офицера подводного флота. Расписали все выгоды и престиж морской службы, учебу на всем готовом, большие оклады подводников и т. д. Я засомневался, что не сдам вступительные экзамены, мол, в аттестате одни тройки, кроме физкультуры. Военком успокоил. Главное, что медкомиссию прошел, да и твой разряд по байдаркам поможет. В училище спортсмены нужны. Отец не хотел отпускать меня, рассчитывал, что я и дальше буду ему по хозяйству помогать, но в военкомате ему включили «патриотическую песню». Куда денешься. Стране нужен защитник, вы им будете гордиться!

Набралось нас пять человек. Дали нам денег на билеты на пароход из Одессы. Поехали. В училище поселили в казармы, одели в старенькую флотскую робу и с первых дней приучали к уставным отношениям и флотскому порядку. Утром пробежка, зарядка. Строем в столовку, строем на

самоподготовку, строим на экзамены. Все прошли усиленную медкомиссию. Забраковали процентов тридцать прибывших. Осталось примерно столько, чтобы набрать курс. Оценки ставили с большим натягом. Получить «неуд» было просто нереально.

Надо было выбирать специальность, кем служить, на каких постах в подводной лодке. Я, сдуру, пошел в «машинисты». А это силовая атомная установка! Ошибку свою понял, когда на втором курсе начались занятия по физике. А я в школе ее не знал, да и что знал, забыл. Пришлось буквально зубрить! А что, не сдашь зачет, вместо увольнительной в город, самоподготовка. Дальше хуже! Стали изучать реактор. Вещь секретная. Ни учебников, ни литературы. Только конспекты лекций и внутренние методички училища. Всё секретное. Позанимались, сдай. Тяжело было. Спасало, что за сборную училища греб. На первых ролях в команде был.

После третьего курса попал на практику. На Камчатку. На настоящий атомоход. Три месяца стажировался, из них месяц в дальнем походе, почти всё время под водой.

Однажды ревуны заревели, красные лампы замигали. Что-то в реакторе случилось. Командир БЧ-5 построил вахту. Объяснил причину тревоги. Одно из уплотнений на трубопроводах в зоне реактора дало течь. Повысилась радиация, вот лампы и замигали. Надо устранять.

– Добровольцы есть? – задал он вопрос.

– Шаг вперед.

Ну я, уверенный, что вся шеренга дружно шагнет вперед, как в популярных фильмах про героев, решил не отставать. Шагнул. Осмотрелся. Я один вышел в добровольцы! Потом я понял почему массового героизма не наблюдалось. Служить ребятам по три года. Сколько рентген нахватаешь в сумме за все подобные случаи! А людям хочется вернуться после службы не лысыми. Да и жениться все хотели, а не инвалидами доживать.

В общем, одели меня в «скафандр», объяснили порядок ремонта, дали на всё не более 4 минут. Я управился за 2 -20. Что надо заменил, затянул. Потом прошел обработку. Всё было в порядке.

Пришла пора готовить диплом. Тут у меня вообще пошла черная полоса. Материалы из секретки давали на определенное время. Ночью не догонишь, чего не успел. Чертил как угорелый. Очень боялся не успеть. Для теории совсем времени не оставалось. За время пока диплом писал похудел на 4 кило! И нервы уже на грани помешательства были.

Когда пришел день защиты, я был как зомби. Руки тряслись, глаза лихорадочным блеском горели. В голове было пусто, как в колбе под вакуумом. Развесил в перерыве комиссии свои чертежи. Чувствую, что всё забыл. Чего говорить, не помню. Выскочил из училища. Забежал в гастроном напротив. Купил пол-литра портвейна и за ближайшим кустом из горлышка, залпом выпил.

Хоть руки перестали дрожать. А тут уже вызывают. Ко-

миссия 7 высших офицеров. Во главе адмирал из штаба флота. Рапортую – курсант Куля прибыл для защиты дипломного проекта.

Адмирал спрашивает:

– Куля. Что-то фамилия знакомая. Мы встречались?

– Никак нет, товарищ адмирал! – отвечаю по уставу, а у самого внутри всё оборвалось. Амба, думаю. Адмиралу не сдам!

– А ты, сынок, практику не на Камчатке проходил?

– Ну да, так точно, на ноль восемнадцатой.

– Так это ты добровольцем сальник набивал в отсеке? Читал я в сводке.

– Так точно, товарищ адмирал.

Пожилой морской волк встал из за стола президиума комиссии, прошелся вдоль развешенных листов и попросил комиссию вызывать следующего курсанта.

– А с курсантом Кулей я сам тут разберусь.

Я чувствовал, как холодный пот течет у меня между лопаток. Но стоял смирно, ел глазами адмирала и ждал казни.

А адмирал вдруг спрашивает, знаю ли я порядок пользования спасательными средствами! Вопрос детсадовский. Это матросы – новобранцы в учебке проходят. А у курсантов с первого курса в подкорке сидит. Я шпарю ответ, как в наставлении. А он жестом меня останавливает:

– Молодец! Хороший курсант. Да что-то у тебя текущие успехи по предметам не ахти. На четверку согласен? Или

еще поспрашиваю? – с хитрой улыбкой спрашивает он.

– Согласен! – выпаливаю я. И чувствую, как отпускает мандраж, как высыхает пот, перестает бухать сердце и наваливается страшная усталость, как после самой длинной гребной дистанции.

Комиссия дружно согласилась с предложением председателя и меня отпустили.

Вот теперь два месяца гуляю. Женюсь. И во Владик, на лодку.

Спасибо, Володя, что пригласил. Тетя Рая, – окликнул он мою маму, ушедшую в кухню, – спасибо! Всё очень вкусно. Побегу. Свидание.

Запомнился мне этот незатейливый рассказ. В нем и азарт молодого курсанта, и мудрость старого адмирала, что понимал и ценил ПОСТУПОК, и вера в наш народ. Его ругают, унижают, обзывают быдлом. А он себе живет своей великой историей, своим широким характером, не думая о политике, не выкрикивая лозунгов. Каждый на своём месте. А страна идет себе не оборачиваясь на мелких и подлых шавок, гавкающих из подворотни.

Сильная и непобедимая.

Пари. История одного экзамена

– Разобью задачу на три этапа, размышлял я, готовясь к взятию очередной вершины. Альпинисты назвали бы ее «семи тысячником», не меньше.

– Первое – это решить задачку. Дело не сложное, только бы угадать с билетом!

– Второе, посложнее. Надо устроиться так, чтобы наверняка содрать с учебника ответы на вопросы.

– Ну а третье...попытаться ответить на дополнительные вопросы и, действуя по обстановке, вымучить вождеденный «уд».

Да и на всё про всё у меня три неполных дня, кризис жанра.

Так обдумывал я подготовку к не совсем обычному экзамену в летней сессии третьего курса Одесского Политеха в 1965 году. Экзамен был по одному из самых провальных для студентов предмету – Теория машин и механизмов (ТММ). Известная присказка гласит – сдал Сопромат, можешь влюбиться, сдал ТММ, можешь жениться. Сопромат был сдан и забыт еще на втором курсе, что не мешало нам влюбляться и до этого, а вот сдать ТММ, расшифровывали мы эту аббревиатуру как ТУТ МОЯ МОГИЛА, еще предстояло. Второй особенностью этого экзамена было пари. Я его сдуру, или из-за молодой бравады, заключил со всей группой

после обмыва скудной стипендии. Сбрасывались по рублю. Но это целая бутылка «Червоного Міцного» (красного сладкого 18 градусного) на каждого. О закуске при недостатке средств никто не задумывался. Видимо, моя бравада легко этим объяснялась. Началось с замечания старосты группы в мой адрес:

– Ты бы, Володя, походил хоть чуть на лекции по ТММ. Читает доцент, он назвал фамилию, говорят, на экзаменах зверь! Да еще, увидит совсем незнакомую морду, может разозлиться. Я полез в бутылку:

– Да неужто он всех двести человек с потока в лицо помнит!? Спорю на рубль с каждым из группы, что сдам ТММ с первого захода, при этом ни разу!!! не появившись на лекции. Присутствующие с большим энтузиазмом поймали меня на слове. Все были уверены в успехе. Да и что им было не согласиться, каждый из группы рисковал одним рублем. Я же, в случае пролета, полновесной стипендией. И сколькими походами на разгрузки мне пришлось бы латать эту дыру в бюджете, не хотелось и думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.